

Глаза Элейна расширились, когда он наконец разглядел цифры на дисплее. От сильного удивления он выглядел почти комично.

Подождите, нет, что это? Это правда?!

Он быстро поднял голову, встречаясь взглядом с каждым из врачей. После долгого молчания он прохрипел:

— ...Аппарат сломался?

Цифра на флаконе для сбора составляла ровно ****[5000 мл]****, а мигающий красный свет указывал на то, что емкость полна и требуется новый флакон.

Но чтобы наполнить один такой контейнер, обычно требуются сотни самцов цичуней, а это значит...

Уровень этого самца был намного выше, чем они предполагали, и он оказался куда более самоотверженным и щедрым, чем они думали.

— Что не так... аппарат сломался? — Е Эр постепенно оправился от головокружения. Открыв глаза, он увидел нескольких застывших цичуней и, случайно услышав недоверчивый шепот Элейна, задал этот вопрос с некоторым беспокойством.

Хотя у него оставалось чуть меньше половины запаса феромонов, их, конечно, было уже не так много, как раньше. А если аппарат сломался, это было бы очень неудобно, так как могло задержать процесс.

Услышав слова самца, врачи, все еще пребывавшие в шоке, наконец очнулись от своего оцепенения. Они в унисон повернули головы, напугав Е Эра.

Он медленно моргнул.

— Вы... хотите собрать еще? Разве этого недостаточно? У меня должно было еще немного остаться, могу попробовать выпустить еще. Вчера я потратил много сил, чтобы успокоить свою военную самку, поэтому запас, возможно, еще не восстановился...

Он выглядел немного беспомощным. Свет в его глазах сиял ясно и живо из-под дрожащих ресниц. Лицо было слегка бледным, но...

В глазах этих врачей он почти излучал священный, ангельский свет.

— Нет, нет, нет, нет! — один из врачей благоговейно посмотрел на него и, придя в себя, затараторил. — Этого достаточно, более чем достаточно. Огромное вам спасибо!

Элейн ошеломленно смотрел на него. В какой-то момент его глаза покраснели, губы дрожали, прежде чем он наконец плотно сжал их. Он низко склонился, согнувшись в поясе перед самцом. Его голос был хриплым:

— ...Огромное... вам спасибо.

За Элвина, за бесчисленных военных самок, мучительно борющихся за жизнь, и за него самого.

Е Эр на мгновение замолчал, затем повернулся боком. Он не стал принимать его благодарности, лишь сказав:

— Отнесите это туда. Та военная самка по имени Элвин вряд ли сможет долго ждать.

Наблюдая за тем, как они осторожно выносят феромоны, Е Эр на мгновение задумался, а затем внезапно произнес:

— Подождите.

Команда врачей внезапно ворвалась в палату, в срочном порядке перевоза Элвина в операционную. Раздраженный главный хирург разогнал всех мешающихся под ногами военных омег.

Загорелся красный свет над дверями операционной, но шум снаружи все еще не утихал. Седовласый старший врач нахмурился и поручил стоявшему рядом медбрату-омеге:

— Скажи тому мрачному типу снаружи, что у Элвина еще есть шанс! Он не безнадежен!

Уставший и сонливый военный омега был разбужен всей этой суматохой. С некоторым усилием он открыл свои морские синие глаза, в замешательстве глядя на грандиозную сцену перед собой. Он попытался откашляться, но голос все еще был приглушенным и хриплым, едва различимым:

— Кхм, кхм... что...

— Не разговаривай, береги силы, — холодным тоном приказал опытный врач, готовясь к операции. Но, увидев растерянное лицо пациента, он все же добавил: — Не волнуйся, тот самец чичуня пожертвовал пять тысяч миллилитров феромонов. Ты спасен.

Грудь Элвина на мгновение судорожно приподнялась, лицо выражало крайнее изумление. После долгого молчания он пробормотал:

— Вот оно как...

Но слова о спасении были произнесены слишком рано. Он ясно понимал свое положение. Дело было не только в нехватке феромонов. Он был почти на пределе. На такой окраинной планете, как Айтар, медицинские ресурсы скудны. Их не следовало тратить на него впустую.

Несмотря ни на что, Элвин был глубоко благодарен щедрому самцу. Эти пять тысяч миллилитров феромонов спасут бесчисленное количество военных самок. Это было похоже на оазис, возникший посреди пустыни. Если он не выживет в этот раз, он хотя бы хотел попросить врача передать слова благодарности.

Его кадык дернулся, подавляя подступающую ржавую сладость в горле.

— Кхм, кхм... эм... если...

Словно зная, что он собирается сказать, врач недовольно посмотрел на него:

— Я приказал тебе заткнуться. Я сказал, что ты будешь спасен, значит, ты будешь спасен. Не смей сдаваться.

Он поместил шприц, зажатый между двумя пальцами, прямо перед лицом Элвина.

— Открой глаза пошире и посмотри, что это такое.

Жидкость в шприце была ярко-красной, густой. Под резким светом операционной лампы она пульсировала теплым, кровавым светом. Отражаясь в этих темно-синих глазах, она была похожа на проблеск света, сияющий над бескрайним океаном.

Словно... надежда.

— Это от самца цичуня, специально для тебя. Его кровь.

— Ты хочешь сказать...

Ной тупо уставился на Элейна, чьи глаза сияли прямо перед ним. Чувство полнейшего абсурда и нереальности захлестнуло его — и все из-за только что прозвучавшего решительного заявления:

«Тот самец добровольно пожертвовал пять тысяч миллилитров феромонов, и даже свою кровь для Элвина».

Эта новость потрясла почти всех военных самок. Они на мгновение переглянулись, все еще считая это невероятным.

— ...Правда?

Элейн подбежал легкой рысцой, все еще немного запыхавшись от беготни по коридору.

— Такое огромное событие. Зачем мне вам врать? Я только что устроил самца и специально прибежал, чтобы рассказать вам!

— Точно! Такое дело, разве это может быть выдумкой!!

— Небеса... хвала богам! Хвала этому самцу!!

Вскоре они отреагировали, приглушенно ликуя с взволнованными лицами. Они были настолько воодушевлены, что начали колотить друг друга в грудь, а затем крепко обниматься.

— Полковник будет спасен... Ной, чего ты застыл?!

Один из военных самок с силой обнял Ноя за плечи и хорошенько встряхнул, наконец приведя его в чувство. Губы Ноя дрогнули, но в горле встал ком, и он не мог вымолвить ни слова. Он спрятал лицо в ладонях, глубоко вздохнул, и все его тело задрожало.

— Черт возьми, ты ведь не плачешь, а?!

— Я считаю, ты должен как следует извиниться перед самцом. Ты ругался и тыкал в него пальцем в палате, и то, что он не приказал тебя порезать на куски — это уже милосердие. Кто же знал, что он пожертвует столько феромонов? Выживание Элвина целиком и полностью зависит от этого!

— Кровь самца стоит десятки миллионов звездных монет. У нас просто нет каналов, чтобы достать нечто подобное. А самец действительно пожертвовал ее добровольно... На этот раз мы должны отблагодарить его как следует.

Эта шокирующая новость быстро облетела всю больницу. У врачей есть специализированные каналы связи, а поскольку большинство пациентов — военные, они хорошо знакомы друг с другом. Однако версия истории, передаваемая из уст в уста, успела измениться раза три или четыре.

Пип, пип.

Терминал несколько раз мигнул. Се Чжао, истощенный как морально, так и физически военной самкой напротив него, бросил на пациента взгляд, пробормотал извинения и отошел в сторону.

Си Цзэ сидел на диване напротив с невозмутимым выражением лица. Когда звук шагов доктора затих, он опустил взгляд и начал постукивать пальцами по подлокотнику инвалидного кресла.

Эта психологическая консультация оказалась столь же безуспешной, как и предыдущие. Молодому психологу казалось, что он сейчас умрет от ярости из-за этого пациента.

Дело не в том, что Си Цзэ не мог смириться с фактом, что страдает от посттравматического стрессового расстройства; скорее, он даже сам не знал, о чем беспокоится. Военные самки, годами находившиеся в гуще сражений, в той или иной степени имеют психологические проблемы. Будучи одной из известных фигур, в то время, когда он еще сохранял свое воинское звание, его часто вызывали "на беседы".

Но даже лучшие психологические эксперты Империи были бессильны против него. Первокласные вербальные манипуляции провалились, препараты и специальные методы лечения оказались неэффективными, и даже военный трибунал, где применяли все эти ломающие разум тактики и допрашивали его месяцами без сна, не смог пробить его защиту.

Си Цзэ кристально ясно чувствовал, что за эти годы дверь слилась со стеной. Ручка отвалилась, петли заржавели, и все это покрылось толстым слоем пыли. Даже он сам не мог ее открыть.

Если ее нельзя открыть, значит, нельзя. Это была его броня от нападений. Отсутствие брешей означало совершенство.

Он всегда так думал, пока Е Эр не попытался залечить его раны.

Прекрасный маленький самец хмурил брови, притворяясь свирепым, пока стучал и колотил по его защите, пытаясь найти этот вход. Но даже его гнев был очень сдержанным. Так называемое «наказание» по сравнению с угрозами и запугиваниями, о которых он слышал, было легким как перышко и мягким как усик улитки.

Его даже удалось уговорить парой небрежных слов, и он охотно сидел здесь, повторяя сеансы психотерапии, через которые проходил бесчисленное количество раз, считая минуты до того момента, когда самец придет забрать его и отвезет домой.

...Домой.

Он просмаковал это слово, слишком непривычное для него, едва сдерживая шумный грохот в груди, заставивший его бессознательно сжать пальцы.

— Твою мать?! Seriously?! — врач-самка в углу издал крик удивления, прервав задумчивость Си

Цзэ.

Затем последовала череда быстрых нажатий по клавишам, перемежающаяся бесчисленными ругательствами и словами изумления, заставившая глаза Си Цзэ слегка дрогнуть.

— Что случилось?

К тому времени, как он взял себя в руки и вернулся к своему обычному состоянию, Се Чжао уже стер улыбку с лица, его взгляд был пристально прикован к военной самке перед ним. Се Чжао немного успокоился, но, когда его спросили снова, он мгновенно воодушевился.

— Это твой Господин! Дай мне рассказать тебе...!

Он выложил всё как на духу, богато приправив эмоциями и деталями, вперемешку со случайными восклицаниями и похвалами.

— Правда! Этот самец такой хороший, такой удивительный! О, Небеса!...

— Все мало-мальски способные самцы обычно до смерти высокомерны, каждый задирает нос. Никогда не думал, что встречу такого самца! У вас там что, над могилами предков семьи Се пошел зеленый дым на удачу?!

Си Цзэ тихо выслушал всю историю, словно заразившись волнением Се Чжао; уголки его губ слегка изогнулись, а нежную улыбку в глазах было невозможно скрыть.

Он ничуть не удивился тому, что Е Эр мог сделать нечто подобное. Неизвестно, когда именно это чувство разрушило его глубоко укоренившееся представление о самцах цичуней, став новым стандартом, критерием под названием «Е Эр».

Но не успел он как следует насладиться улыбкой, как мысль, подобно расползающимся сорнякам, прорвалась сквозь возвышенность:

Самец был нежен и терпим ко всем.

Он и та военная самка были одинаковыми. Они оба были спасены этим милосердием и щедростью. Не было абсолютно... никакой разницы.

В нем не было ничего особенного.

Эта мысль, как разросшиеся ядовитые лозы, обвилась вокруг его сердца слой за слоем, сдавливая мягкую плоть до тех пор, пока она не налилась кровью и не опухла, вызывая волны раздирающей боли.

Улыбка в уголках глаз Си Цзэ исчезла, оставив на его лице лишь абсолютную пустоту.

<http://bllate.org/book/17964/1736804>